

**ФИЛОСОФСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ:
СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ**

ПУТИ И МОГУЩЕСТВО ЛЮБВИ

П.А. Сорокин

Посвящается Эли Лилли

Предисловие

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами

Божиими.

В 1918 году правительство коммунистической России объявило на меня охоту. Кончилось тем, что я был брошен в тюрьму и приговорен к расстрелу. Ежедневно в течение шести недель я ожидал смерти и был свидетелем казни моих друзей и товарищей по заключению. В течение следующих четырех лет, пока я оставался в Советской России, мне довелось испытать многое; я был свидетелем беспредельного, душераздирающего ужаса от царящих повсюду жестокости, смерти и разрушения. И именно тогда я занес в свой дневник — в качестве “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”^{*} — следующие строки:

“Что бы ни случилось со мною в будущем, я твердо знаю, что извлек три урока, которые навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, даже если она чрезвычайно трудна, — самое прекрасное, чудесное и восхитительное сокровище мира. Превратить ее в служение долгу — вот еще одно чудо, наполняющее жизнь счастьем. Таково мое второе убеждение. И третье — что жестокость, ненависть, насилие и несправедливость никогда не могли и никогда не смогут построить ни умственного, ни нравственного, ни даже материального Рая на земле. К нему ведет лишь один царский путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не только в молитве, но прежде всего — в действии”¹.

Почти тридцать пять лет прошло с тех пор, как были написаны эти строки. Ни трагические события, имевшие место в эти годы, ни мои научные исследования не только ни в малейшей степени не поколебали эти мои убеждения, но даже навели меня на мысль основать Гарвардский Центр по изучению творческого альтруизма. И ныне, как никогда прежде, я твердо верю в следующие истины, которые полностью подтверждаются нашими экспериментальными исследованиями:

— ненависть сеет ненависть, насилие влечет за собой насилие, на лицемерие отвечают лицемерием, и только любовь вызывает в ответ любовь;

— бескорыстная любовь обладает огромными творческими и целительными возможностями, — гораздо большими, чем подозревает о том большинство людей. Любовь — это животворящая си-

^{*} Заключительные строки “Посвящения” к “Евгению Онегину” А.С. Пушкина (прим. перевод.).

ла, необходимая для физического, умственного и нравственного здоровья;

— альтруистические личности живут дольше, чем эгоистические индивиды;

— дети, обделенные любовью, часто вырастают нравственно и социальнo ущербными и менее жизнеспособными;

— любовь — это самое сильное противоядие против преступных и патологических наклонностей и склонности к самоубийству, против ненависти, страха и психических неврозов;

— это неременное условие глубокого и подлинного счастья;

— это высшая степень добра и свободы;

— это лучшее и самое действенное воспитательное средство для облагораживания человечества.

Наконец, только сила безграничной любви ко *всем человеческим существам* в состоянии победить силы, которые разобщают людей, и предотвратить надвигающееся на планету истребление человека человеком. Без любви ни вооружение, ни война, ни дипломатические ухищрения, ни полицейский надзор, ни школьное образование, ни экономические или политические меры, ни даже водородная бомба не смогут предотвратить надвигающуюся катастрофу. Только любовь может совершить это чудо, при условии, разумеется, что мы глубоко познаем природу любви и эффективные способы ее производства, накопления и использования.

К сожалению, мы знаем об “энергии любви” гораздо меньше, чем о свете, теплоте, электричестве и прочих видах физической энергии. «Просто диву даешься, как мало внимания уделяли эмпирические науки такой теме, как любовь, — справедливо замечает А. Маслоу. — Особенно странно молчание психологов. Иногда, листая учебники по психологии или социологии, испытываешь прямо-таки чувство досады или грусти, поскольку ни в одном из них нет ничего на эту тему... А чаще всего дело доходит до полного абсурда. Как правило, даже и само слово “любовь” в них не упоминается»².

В настоящий исторический момент расширение наших знаний о благотворности любви стало настоятельной необходимостью для человечества, поэтому фундаментальные исследования в этой области должны получить приоритет по сравнению с исследованиями практически во всех других сферах знания.

Настоящая работа вместе с издаваемым одновременно с ней сборником статей “Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth” являются моим посильным вкладом в это великое дело. Принимая во внимание громадность задачи, этот вклад следует признать чрезвычайно скромным по сравнению с совокупностью тех исследований, которые надо было бы провести. И все же, пока лучшие мозги бьются над решением других проблем, в том числе и над изобретением средств массового уничтожения, пока правительства поощряют войны, а воспитатели заняты только тем, что разжигают чувства интеллектуального превосходства и племенного патриотизма у своих подопечных, в то время как духовные пастыри в большинстве своем вовлечены в межплеменные крестовые походы против всевозможных врагов, — в такой ситуации кто-нибудь и где-нибудь, но должен же посвятить себя изучению чуда любви, пусть даже его возможности не очень-то позволяют ему справиться с этой задачей.

*Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат., прим. перевод.).

Feci quod potui, faciant meliora potentes*, — вот мое оправдание за многочисленные недостатки этого вклада.

Начинается книга с очерка различных аспектов любви, ее пяти измерений, ее могущества и способов ее производства, накопления и распределения.

Во второй части предпринята основательная ревизия преобладающих теорий структуры личности. Ревизия произведена не только из-за ошибочности современных теорий, но и по причине их неспособности обеспечить возможность творческого единения и альтруистического преобразования человеческих существ.

В третьей части речь идет о том, как и почему апостолы бескорыстной любви сумели подняться на такую нравственную высоту. Каковы основные типы альтруистов? Какими факторами обусловлено их творческое развитие? Какими средствами они пользовались для того, чтобы добиться преобразования своей личности? Анализ этих проблем проливает некоторый свет на загадку творческой гениальности вообще и гениальности, проявляющейся в самоотверженной любви — в частности.

Пользуясь случаем, хочу выразить самую глубокую благодарность фонду “Lilly Endowment” и г-ну Эли Лилли за финансовую помощь, которую они оказывали мне в ходе проведения настоящего исследования. Посвящение книги Эли Лилли — всего лишь бледная тень моего глубокого уважения к той щедрости, которую они проявили по отношению к нашему Центру и ко мне лично. Среди многих лиц, помогавших мне в ходе проведения этого исследования, я хотел бы особо выделить и поблагодарить д-ра С.Г. Пушкарева, д-ра К. Андраде, д-ра Эшли Монтегю, г-на Френсиса Смита, г-на Роберта Хансона, а также студентов Гарвардского университета и Радклифф-колледжа. Кроме того, я глубоко признателен д-ру Лючио Мендиета-и-Нуньесу и Национальному университету Мехико за разрешение перепечатать здесь на английском языке текст моей статьи “Estructura Mental y Energias del Hombre”, опубликованной Национальным университетом Мехико, а также за степень доктора Honoris Causa, присужденную мне этим старейшим университетом на американском континенте по случаю его 400-летнего юбилея; издательству “Julian Press” — за разрешение перепечатать мою статью “Сила творческой любви”, опубликованную в сборнике “The Meaning of Love”, изданном под редакцией Эшли Монтегю; журналам “Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie” и “Revista International de Sociologia” за разрешение перепечатать мою статью “Polarizacion en la Frustration y en las Crisis”, а также зарубежным издателям и переводчикам моих трудов на основные европейские и азиатские языки. Наконец, мне хотелось бы поблагодарить всех тех, кто оказывает — часто из своих весьма скромных доходов — финансовую помощь Гарвардскому Центру по изучению творческого альтруизма.

*Питирим А. Сорокин
Гарвардский Центр по изучению творческого альтруизма*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Sorokin P.A.* Leaves from a Russian Dairy. Boston, 1950, p. 310.
2. *Maslow A.H.* Love in Healthy People // Montagu A. (ed.). The Meaning of Love. N.Y., 1953, p. 57–58.

ЛЮБОВЬ: ЕЕ АСПЕКТЫ, ИЗМЕРЕНИЯ, ПРОИЗВОДСТВО, ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОГУЩЕСТВО

Глава первая

Многообразие любви и ее главные аспекты

Любовь — как айсберг: лишь малая ее часть является видимой, но и эта видимая часть мало известна. Еще менее известна трансэмпирическая часть любви, ее религиозные и онтологические формы. По причинам, о которых будет сказано ниже, любовь производит впечатление вселенной, неисчерпаемой в количественном и качественном отношениях. Из многочисленных форм любви можно назвать следующие: религиозную, этическую, онтологическую, физическую, биологическую, психологическую и социальную.

А. Религиозный аспект любви

В религиозном плане любовь тождественна с Богом, высшей ценностью в христианстве и других великих религиях. “Любовь от Бога”, “Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем”, — сказано в Новом Завете¹. То же самое утверждают “Бхагаватгита”, “Дхаммапада” и священные писания почти всех великих религий: даосизма и конфуцианства, индуизма и буддизма, джайнизма и иудаизма, ислама и др. Поскольку Бог считается абсолютной ценностью, любовь оказывается сопричастной Богу. Поскольку Бог бесконечно многообразен, любовь тоже неисчерпаема в количественном и качественном отношениях. Как таковую ее нельзя определить с помощью слов или понятий; в лучшем случае они могут быть лишь символическими знаками бесконечного космоса любви. Пауль Тиллих прекрасно выражает эту неисчерпаемость любви: “Я не даю никакого определения любви. Это невозможно, потому что нет никакого высшего понятия, с помощью которого можно было бы это сделать. Любовь — это сама жизнь во всей ее полноте. Формы и структуры, в которые воплощается любовь, суть формы и структуры, с помощью которых жизнь преодолевает свойственные ей силы саморазрушения”².

Философская и этическая мысль на Западе и Востоке выработала три концепции любви: любви как Эроса, любви как Агапэ и любви как синтеза Эроса и Агапэ.

Описание любви как Эроса и любви как Агапэ, принадлежащее А. Нигрену, дает хорошее представление о сути дела. Он утверждает, что любовь как Агапэ принципиально отличается от любви как Эроса, что любовь-Агапэ — это форма любви, характерная для христианства, как полагали Иисус Христос, апостол Павел и ранние христиане.

<i>Эрос:</i>	<i>Агапэ:</i>
— желание добра ради самого себя;	— самоотдача;
— стремление человека возвыситься;	— нисходит на человека свыше от Бога;
— путь человека к Богу;	— путь Бога к человеку;
— достигается самим человеком, означает стремление самого человека обрести спасение;	— свободный дар, спасение как результат Божественной любви;
— эгоистическая любовь, форма самоутверждения в качестве высшего, благородного, великого;	— самоотверженная любовь, которая “не ищет своего”, а щедро расходует себя;
— стремление обрести божественную, бессмертную жизнь;	— жизнь по Богу, которая поэтому не боится ничего потерять;
— воля к “иметь” и “владеть”, основанная на “потребности”;	— свободно дается и свободно расходует, ибо изливается от полноты и щедрости Бога;
— прежде всего человеческая любовь, Бог — объект Эроса;	— прежде всего любовь самого Бога, ибо Бог — это Агапэ;
— даруется только тем, кто ее заслуживает, следовательно, возникает не самопроизвольно, а обусловлена ценностью объекта;	— изливается “на злых и добрых”; следовательно, она самопроизвольна, не обусловлена никакими причинами и даруется как достойным ее, так и недостойным;
— ценит свой объект и поэтому любит его.	— любит свой объект и поэтому делает его ценным.

Таким образом, Эрос и Агапэ прямо противоположны друг другу. Агапэ похожа на солнце; она светит и грешным, и добродетельным, спасая грешников в не меньшей степени, чем благословляя праведников. Ее неистощимое богатство стихийно распространяется на всех, без какой бы то ни было “рациональной дискриминации”. В этом смысле Агапэ загадочна и непостижима для рационального человеческого мышления. Эрос — это любовь, которую “заслуживают” благодаря положительным усилиям со стороны любящего³. На грешников она не распространяется.

Хотя историческая точность такой типологии Эроса и Агапэ может быть подвергнута сомнению, если речь пойдет о христианстве, об учениях Востока, о понимании любви Платоном, неоплатониками и Аристотелем; хотя некоторые мыслители

прошлого и настоящего дают совершенно другие определения Эроса и Агапэ⁴, данная типология сама по себе наглядна и логична. Некоторые виды любви ближе к типу Эроса, другие — ближе к типу Агапэ. Может ли Эрос существовать отдельно от Агапэ или это два нераздельных аспекта любви? На самом ли деле Агапэ — искупающая любовь, которая изливается на всех в своей безграничной щедрости, особенно на тех, кто нуждается в ней для своего спасения, искупления, возрождения и преобразования? Является ли Агапэ тем видом любви, которую можно назвать “любовью ради любви”? Если любовь дается только тем, кто заслуживает ее — праведникам и “избранным”, — то не будет ли такая любовь всего лишь коммерческим призом, который вручают “пай-мальчикам” за хорошее поведение? Судя по этим вопросам, Агапэ свойственна самой природе любви, ее искупающей, воскрешающей и всепрощающей функциям и намного превосходит справедливость, понимаемую как в смысле *sum cuique tribuere**, так и в смысле воздаяния за совершенные поступки.

С другой стороны, Агапэ никоим образом не исключает любовь-Эрос. Любовь-Эрос есть не что иное, как состояние влюбленности в любовь, стремление ради любви усовершенствовать свои умственные, нравственные, эстетические и физические достоинства, т. е. достигнуть совершенства. Высшей целью любви-Эроса является достижение безграничности всеискупающей, вселюбящей, всепрощающей и всеоблагоуживающей Агапэ. Человеческая любовь-Эрос, достигнув такого уровня, превращается в божественную Агапэ. Нераздельность Эроса-Агапэ объясняет, почему большая часть разновидностей любви фактически содержит в себе обе эти формы.

Если преобразование возможно только путем любви-Агапэ, понимаемой в духе Нигрена, то очевидно, что никому нет никакой надобности что-либо делать; любые попытки добиться божественной любви бесполезны; она одинаково светит и праведникам, и грешникам. Если же преобразование возможно только путем Эроса, как его понимает Нигрен, то нет необходимости молиться, прося милости у Бога или другой сверхличной силы. Любой человек, ищущий любви, становится своего рода Прометеем, который достигает своей цели исключительно благодаря собственным усилиям и не обращает внимания ни на Зевса, ни на какую другую силу и даже поступает вопреки им.

В восточных⁵, как и в западных этико-религиозных и философских учениях преобладало мнение, согласно которому путь спасения и достижения высшей степени любви представляет собою комбинацию Эроса и Агапэ. Личные усилия, подкрепленные милостью Божьей, считались единственно возможным способом достичь результата. “Бог помогает тем, кто трудится, а не тем, кто отдыхает и спит”, — говорит Святой Тихон⁶. Каждая из этих форм любви, взятая по отдельности, сама по себе недостаточна: без милости Божьей или какой-то другой сверх-

* Воздавать каждому свое (лат.).

личной силы старания человека недостаточны. С другой стороны, любовь и справедливость Бога щедро даруются тем, кто усердно трудился ради любви и спасения. Во всех великих религиях учение о спасении и соответствующая практика основываются на данном постулате. В противном случае все призывы к людям быть добрыми, совершать хорошие поступки, выполнять моральные и религиозные заповеди оказались бы бесполезными.

Лишь немногочисленные второстепенные учения и практические рекомендации на Востоке⁷ и на Западе⁸ отдают исключительное предпочтение либо Эросу, либо Агапэ; но даже эти течения время от времени должны были отводить другому пути вспомогательную роль.

С этой точки зрения, д'Арси справедливо критикует односторонность концепций Эроса и Агапэ, предлагаемых Нигреном, Руссло, де Ружемоном и другими. Он прав, когда пишет, что “две эти [формы любви] — эгоцентрическая и теоцентрическая — должны жить вместе”, что “мы не должны представлять себе эти две формы любви как изолированные и независимые друг от друга сущности, хотя для того, чтобы выявить их отличительные особенности, нам следует рассматривать их, как если бы они существовали сами по себе”⁹. С одной стороны, пусть будет человек с его страстями, жаждущий освобождения [своего настоящего я от псевдо-я]; с другой стороны — “Бог, который уважает целостность человека и в то же время подвигает его к новому — любовному — отношению с Ним”.

Итак, правильно понятая эгоистичная любовь как попытка человека высвободить в себе свое подлинное и божественное я и достичь единения с Богом, и богоцентрическая любовь как божественная милость, помогающая человеку в его стремлениях, наличествуют практически во всех истинных системах любви — западных и восточных, — хотя некоторые системы больший акцент делают на Агапэ, другие — на Эросе. В дальнейшем мы столкнемся с этой проблемой в ее эмпирических проявлениях.

В. Этический аспект любви

В этическом отношении любовь отождествляется с добротой самой по себе, рассматривается как сущность доброты, неотделимой от истины и красоты. А вместе они — разные, но внутренне связанные друг с другом аспекты Абсолютной Ценности, или Бога. Настоящее добро всегда истинно и прекрасно; чистая истина всегда добродетельна и красива; а подлинная красота неизменно истинна и добродетельна.

С. Онтологический аспект любви

В онтологическом плане любовь, наряду с истиной и красотой, представляет собой одну из высочайших форм единой, целостной, гармоничной, творческой энергии или силы. Эмпедокл

правильно отмечал, что онтологической сущностью этой силы является ее творческая способность соединять. В качестве таковой она противоположна “вражде”, функция которой заключается в том, чтобы “разъединять под действием ненависти” то, что соединено в любви и благодаря любви¹⁰. Мыслители более позднего времени рассматривали даже такие физические силы, как сила притяжения, сила, объединяющая электроны и протоны в атом, сила химического сродства, магнетизма и т. п., в качестве проявлений энергии любви, действующей в *физическом* мире; “инстинкты” социальности или общности, биологическая взаимопомощь и сотрудничество рассматривались как проявление силы любви в мире *органическом*, сознательная любовь, симпатия, дружба, солидарность — как проявление силы любви в *психосоциальном* мире. Везде — в неорганическом, органическом и психосоциальном мире — непрерывно действует соединяющая и объединяющая сила любви. Она неумолимо противодействует разъединяющим и разделяющим силам хаоса и вражды. Без действия силы любви физический, биологический и социокультурный космос распался бы; гармония, единство и порядок стали бы невозможны; повсюду воцарились бы беспорядок и вражда. Будучи творческой энергией доброты, любовь объединяет то, что разобщено, возвышает низменное, очищает то, что нечисто, облагораживает подлое и низкое, создает гармонию в мире вражды, войну превращает в мир. Любовь возводит человека — биологическое существо — на уровень божества, бесконечно обогащает человеческую личность и дает человеческому роду власть над неорганическими, органическими и социокультурными силами, дает индивиду и человечеству потенциальную возможность спастись даже от биологической смерти. Достоевский прекрасно выразил эту онтологическую мощь любви в “Братьях Карамазовых”. «Видя грех людей, спросишь себя: “взять ли силой али смиренную любовь?» Всегда решай: “возьму смиренную любовь”. Решишься так раз навсегда, и весь мир покорить сможешь. Смирение любовное — страшная сила, изо всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»¹¹. Все великие апостолы любви единодушно утверждали то же самое. Без любви ни обладание ангельской речью, ни даром пророчества, ни полное понимание всех таинств и всех знаний ничего не стоят, говорит Апостол Павел и дает прекрасное описание этико-онтологической природы любви:

*Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует,
любовь не превозносится, не гордится,
Не бесчинствует, не ищет своего,
не раздражается, не мыслит зла,
Не радуется неправде, а сорадуется истине;
Все покрывает, всему верит,
всего надеется, все переносит.*

Любовь никогда не перестает...

*А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь;
но любовь из них больше*¹².

Человек, ставший подлинным воплощением любви, “окажет гораздо большее влияние, чем венценосный монарх”, утверждает Ганди¹³. “Любовь, по сути своей, есть сила не эмоциональная, а онтологическая, это сущность жизни как таковой, т. е. активное воссоединение того, что было разобщено”, — так звучит современное повторение старой мысли об онтологической силе любви¹⁴.

Среди прочих мыслителей следует отметить Н.Ф. Федорова (мало известного русского философа, оказавшего заметное влияние на Достоевского и Льва Толстого), а также В.С. Соловьева, тоже испытавшего его влияние, которые чрезвычайно глубоко проанализировали и развили идею об онтологической “силе” любви. Они показали, что только благодаря любви, если она сочетается с красотой и истиной, человек может возвыситься от уровня смертного биологического существа до победителя смерти и господина неорганических, органических и социокультурных сил; только таким путем человек может реализовать свою истинную божественную природу и стать “Богочеловеком”; только так может выполнить свою миссию и оправдать свое историческое существование; только благодаря такому — подлинному — бессмертию могут сохраниться все прочие ценности человечества — в противном случае они потеряют всякий смысл или бесцельно погибнут¹⁵.

Согласно онтологической концепции В.С. Соловьева, любовь есть сила, противостоящая темному злу, которым пронизан мир дикой природы.

“Зло есть всемирный факт, ибо всякая жизнь в природе начинается с борьбы и злобы, продолжается в страдании и рабстве, кончается смертью и тлением... Первейший закон природы есть борьба за существование. Вся жизнь природы проходит в непрерывной вражде существ и сил... Каждое существо в нашем мире от малейшей пылинки и до человека всею своею природною жизнью говорит одно: я есмь, и все остальное — только для меня, и, сталкиваясь с другим, оно говорит ему: если я существую, то тебе уже нельзя существовать, тебе нет места со мною. И каждое говорит это, каждое покушается на всех и хочет всех истребить и само всеми истребляется. Жизнь природы, поскольку она основана на эгоизме, есть *злая* жизнь, и закон ее есть закон *греха*. По этому же закону грех неизбежно ведет за собою свое возмездие, одним злом вызывая другое. Ибо если каждое существо враждебно действует на других и вытесняет их собою, то и другие так же враждебно относятся к нему, так же теснят его, и оно поневоле должно испытывать это враждебное воздействие. Такое испытание есть *страдание* — второй вид мирового зла.

Как все в природе грешит одно против другого, так неизбежно одно от другого и страдает.

В силу своего эгоизма, отделяющего его ото всех других, всякое существо является в чуждой ему среде, которая отовсюду теснит и давит его... Вся жизнь природного существа — в этой борьбе с чуждою и враждебною средою, в отстаивании себя от нее; но отстоять себя от напора чужих сил оно не может: оно одно, а их много и они должны одолеть. Противодействие между каждым и всеми неизбежно разрешается *гибелью* каждого, — враждебная сила, наконец, расторгает его бытие и вытесняет его из жизни, — борьба кончается *смертью* и *тлением*... Смерть только въявь обнаруживает тайну жизни, — показывает, что *жизнь природы есть скрытое тление*. Вот то огненное колесо бытия,.. таково всемирное зло, единое в своем существе, тройственное в своих видах. Таково дерево жизни в распавшейся природе: корень его *грех*, рост его *болезнь*, плод его *смерть*¹⁶.

Любовь представляет собой универсальную творческую силу, способную противостоять злу. Борьбу за существование любовь заменяет гармоничным единством и взаимопомощью. Она стремится к тому, чтобы вся вселенная превратилась в единый гармоничный космос, в котором каждый элемент будет не бороться со всеми остальными, а дружно сотрудничать со всем, что есть в мире. Благодаря силе любви, ни одно живое существо не противостоит остальному миру, на него никто не нападает и, следовательно, ему ничто не грозит уничтожением. По этой причине нет необходимости заканчивать свою жизнь смертью и разрушением. Тем самым любовь стремится победить саму смерть, на место которой придет вечное бессмертие¹⁷.

Пока мы наблюдаем в природе лишь частичную реализацию этой творческой деятельности энергии любви. Только благодаря ей мир продолжает существовать, несмотря на повсеместное распространение разрушительных сил зла. Благодаря любви мир живет и развивается. Любовь предотвращает всеобщую смерть и разрушение вселенной. И чем полнее реализуется любовь, тем все меньше остается в мире греха, страданий и смерти, — а после окончательной ее победы они исчезнут почти полностью. Такова онтологическая роль любви как величайшей созидательной силы¹⁸.

Все вышесказанное представляет собой один из многочисленных вариантов онтологического понимания любви как всеобщей созидательной силы.

Д. Физический аспект любви

Согласно В.С. Соловьеву и другим мыслителям, физическим аналогом любви в неорганическом мире можно считать все природные силы, которые объединяют, интегрируют и способствуют сохранению этого мира и проявляются в бесконечном множестве его элементов, начиная с мельчайшего атома

и заканчивая вселенной в целом, которая тем самым превращается в целостный и упорядоченный космос¹⁹.

Е. Биологический аспект любви

Биологическая составляющая энергии любви проявляется в самой природе и в основных жизненных процессах. Эта энергия, о которой до сих пор мало что известно, которую нередко называют “жизненной энергией”, загадочным образом превращающей различные неорганические силы в поразительное единство живого — одноклеточного или многоклеточного — организма, представляет собой первое биологическое проявление энергии любви, описанное еще Эмпедоклом. Возникновение практически всех одноклеточных организмов из родительской клетки путем ее деления либо на четыре новых клетки (zoospores), либо на тридцать две или шестьдесят четыре микроорганические клетки с последующим спариванием гамет*, в результате чего рождается новый организм — вот еще одно проявление “биологической энергии любви”: “двое на какое-то время сливаются воедино, образуя интерактивный союз”; “жизнь того или иного существа зависит от потенциального или актуального существования другого”. Без такого взаимодействия — без обеспечения нового организма жизненными тканями со стороны родительской клетки, без метаболического и физиологического обменов между материнской и дочерней клетками — невозможно рождение нового организма; невозможно продолжение самой жизни²⁰. Соединение двух организмов в процессе полового воспроизводства многоклеточных организмов, сопровождаемое их страстным биологическим влечением друг к другу, является наглядной формой этой “биологической любви”, необходимой для сохранения всех подобных видов и, следовательно, самой жизни. Забота родителей о своем потомстве в течение того времени, пока оно беспомощно — забота, которую мы наблюдаем у некоторых видов, таких как *Ното сариенс*, и которая должна проявляться в течение нескольких лет — это еще более яркое проявление биологической энергии любви. Без этого виды вымрут. Такое сотрудничество по праву считается “главной особенностью феномена жизни”, столь же всеобщей и основной, как и “борьбы за существование”²¹.

Силы сотрудничества в биологическом плане важнее и существеннее [чем силы антагонистические]. Баланс между альтруистическими тенденциями к сотрудничеству и теми тенденциями, которые ведут к разобщению и способствуют эгоизму, [у биологических организмов] сравнительно невелик. Однако в конечном итоге побуждения более альтруистические, направленные на интересы группы, оказываются чуть сильнее, — так можно охарактеризовать данную ситуацию²².

Отсюда вывод: без действия биологической компоненты энергии любви невозможна ни сама жизнь, ни ее продолже-

* Гаметы (от греч. gamete — жена, gametes — муж) — половые клетки животных и растений, обеспечивающие при слиянии развитие новой особи и передачу наследственных признаков от родителей потомкам.

ние, ни сохранение и выживание видов, ни эволюция жизни, ни появление и эволюция Homo sapiens.

Г. Психологический аспект любви

В психологическом плане любовь представляет собой сложное чувство, состоящее из эмоциональных, аффективных, волевых и интеллектуальных элементов. У него много качественно разнообразных форм, описываемых такими терминами, как эмпатия, симпатия, доброта, преданность, восхищение, доброжелательность, почтение, уважение, обожание, дружелюбие. Каждый из этих “оттенков” любви как психологического переживания имеет свой особый “цвет”²³. Эти переживания противоположны чувствам злобы, враждебности, неприязни, зависти, ревности, антипатии и другим формам ненависти. *В любом истинном психологическом переживании любви эго или “Я” любящего индивида стремится к соединению и отождествлению себя с любимым “Ты”.* Чем возвышеннее любовь, тем сильнее это отождествление. Радость или горе любимого человека становятся радостью и горем любящего. Их жизненные ценности становятся в буквальном смысле общими. Жертва, которая приносится ради любимого человека, приносится ради самого себя.

Другими словами, *любовь как психологическое чувство “альтруистична”* по своей природе, тогда как противоположное ему *чувство ненависти всегда эгоистично*. Если любовь настоящая, то любимый человек всегда представляется как *высшая* ценность; если же любовь носит характер эгоистического, то другой человек всегда рассматривается только как *средство*. Аристотель и В.С. Соловьев четко сформулировали эту особенность любви *в противоположность* эгоистическому чувству ненависти и псевдолюбви. В настоящей любви или дружбе “другом полагают того, кто желает благо и делает благо, истинное или кажущееся, ради другого, или того, кто желает во имя самого друга, чтобы тот существовал и жил”²⁴, а не потому, что друг доставляет удовольствие или приносит какую-то пользу. Псевдодружба, мотивированная удовольствием или выгодой, рассматривает другого человека как средство, а не как высшую ценность.

В.С. Соловьев особо подчеркивает этот момент в своем анализе любви и эгоизма. “Истинная любовь есть та, которая не только утверждает в субъективном чувстве безусловное значение человеческой индивидуальности в другом и в себе, но и оправдывает это безусловное значение в действительности”²⁵. Эгоизм в его чистом виде, напротив, “между своим Я и другими существами [утверждает] безусловную противоположность, непроходимую бездну. Я — все, но другие сами по себе ничто и делаются чем-нибудь лишь как средство для меня; моя жизнь и благополучие есть абсолютная цель, жизнь и благополучие других допускаются только как орудия для осуще-

ствления моей цели... Я — единое средоточие, а весь мир — только окружность”²⁶.

“Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности. Только... жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он [человек] находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а, напротив, увековечивает его”.

В настоящее время такого рода космос, наполненный любовью, в повседневной жизни человека, находится почти на той же стадии развития, что и разум в мире животных. Любовь, побеждающая смерть, “существует все еще в зачаточном состоянии, а не как действительный факт”. В конце концов она разовьется и победит смерть на этой планете, в этом мире²⁷.

Говоря более точно, *любовь есть то чувство, которое уничтожает наше индивидуальное одиночество*; она наполняет пустоту нашего уединения самой высокой ценностью; разрушает тесные окопы нашего маленького “эго” и переступает через них; делает нас соучастниками в высшей жизни человечества и всего мира; расширяет нашу истинную индивидуальность до безмерных границ вселенной.

Уничтожая наше одиночество и связывая нас самыми прекрасными узами с другими людьми, любовь в буквальном смысле слова оказывается *животворной силой*, поскольку, как свидетельствуют о том исследования самоубийств, полное одиночество является основной причиной суицидов, и поскольку альтруисты живут дольше эгоистов²⁸. Делая нас полноценными соучастниками жизни других людей, любовь бесконечно обогащает нашу жизнь самыми возвышенными и прекрасными ценностями всего человечества. В этом смысле она наполняет нас *знанием*, потому что соучастие в жизни всех людей, сопереживание с ними — а не только наши бедные и жалкие личные переживания — являются самым действенным способом обучения и наиболее коротким путем к истине и знаниям. В этом смысле чувство любви ведет к истинному познанию, и *любовь становится истиной*.

Любовь делает нашу жизнь прекрасной, ведь чувство любви прекрасно по самой своей природе и украшает всю вселенную. Любить кого-то или что-то — значит в буквальном смысле сделать бессмертным смертное, облагородить неблагородное, возвысить низкое, украсить безобразное. То, на что некто смотрит влюбленными глазами, становится “любимым”, т. е. прекрасным.

По самой своей природе, *любовь есть сама доброта*, следовательно, *она делает нашу жизнь лучше и благороднее*.

Наконец, *чувство любви означает наивысшую степень свободы*. Любить что-либо — значит поступать свободно, без принуждения или насилия. И наоборот: быть свободным — значит делать то, что нравится делать. В этом смысле *любовь и настоя-*

щая свобода — синонимы; любовь — наивысшая степень свободы. Принуждение и насилие представляют собой отрицание любви. Где есть любовь, там нет насилия; где есть насилие, там нет любви. Чем сильнее любовь, тем больше свободы. Человек, который любит весь человеческий род, свободен в мире людей; человек, любящий целую вселенную, свободен во всем мире. Человек, который ненавидит мир, есть самый жалкий из рабов — как в субъективном, так и в объективном плане. Что-то или кто-то всегда оказывается его врагом, мешает ему, противостоит ему, давит на него, все время ограничивает его свободу — на каждом шагу, в каждом поступке, в каждой мысли, эмоции, желании. Весь мир от неодушевленных предметов до человека превращается для него в тюрьму с несметным количеством палачей²⁹. В этом отношении предельно точны процитированные высказывания апостола Павла. Свобода — это любовь, любовь — это свобода.

Любовь, далее, характеризуется такими чертами, как чувство *бесстрашия и силы*. Любовь никого и ничего не боится, она уничтожает страх на корню. Где существует страх, там нет любви; где есть любовь, там нет страха.

“Те, кто любят Бога за страх — самые низкие из людей. Они поклоняются Богу из-за страха перед наказанием... Пока в сердце живет страх, как может жить в нем и любовь? Любовь естественным образом побеждает всякий страх. Любящая мать без колебаний бросается навстречу любой опасности, угрожающей ее ребенку; любящий человек без колебаний расстанется с жизнью — он не боится даже смерти, — спасая тех, кого он любит. Страх рождается из эгоистического представления о том, что человек изолирован от всего мира. Чем ничтожнее, эгоистичнее я становлюсь, тем больше мой страх”³⁰. *Самое лучшее и самое действенное средство от страха — это любовь.* Без любви от этой болезни нет лекарства.

Бесстрашие и свобода любви наполняют нас силой. Человек, который субъективно (по собственному ощущению) ничего не боится, оказывается и на самом деле сильным. Его нельзя запугать; невозможно подкупить; его нельзя подчинить. Вся его сила заключается в одной-единственной силе — силе любви, которая “все покрывает, все переносит”. Ни малейшая толика этой сконцентрированной силы не тратится на преодоление внутренних конфликтов и внешних трений; вся она направлена к одной великой цели. И чем дольше она действует, тем больше возвращается к ней сил, которые она рождает в других людях; чем больше она расходует, тем больше возврат, восполняющий ее расходы. В этом смысле любовь — это такой вид энергии, который (подобно энергии внутриатомного сцепления) почти неисчерпаем, энергии, которая иногда действительно увеличивается благодаря тому, что она расходует. И чем больше расходует себя любовь, тем сильнее она становится. Этим и объясняется причина той отмеченной выше ко-

лоссальной, внушающей трепет силы любви и смирения, того могущества, каким были наделены такие великие живые воплощения любви, как Будда и Иисус Христос, Святой Франциск и Ганди. Даже с сугубо “позитивистской” точки зрения, влияние, оказанное этими апостолами любви на всю историю человечества, значительно превосходит влияние великих завоевателей, правителей, создателей империй и тех, что мнили себя повелителями миллионов солдат и подданных. Исходя из этого, можно дать такой научно обоснованный рецепт. *Самый эффективный и самый простой способ обрести максимум творческой энергии — любить искренне и глубоко.* Царства, основанные апостолами любви, оказываются более долговечными, чем царства, созданные ненавистью и насилием³¹.

В конце концов, *чувство любви равносильно величайшему душевному покою и счастью.* Что бы мы ни понимали под “душевым покоем” — довольно-таки убогое “душевное равновесие” фрейдистов и наших бестселлеров, написанных на тему “как перестать волноваться”, слащавое счастье мелкотравчатых гедонистов и играющих по крупному утилитаристов; или мимолетное “счастье” и “безмятежность” современных любителей чувственных утех; или же, наконец, полнейшее умиротворение и невыразимое блаженство, которые приносит с собою всепоглощающая и всепрощающая любовь, — но только любовь есть то единственное чувство, которое дарует обе эти милости Божьи — счастье и душевное равновесие. Когда любовь слаба и нечиста, то мир в душе и счастье тоже слабы и хрупки. Когда она безгранична и чиста, то это “мир Божий, который превышает всякого ума”³², а счастье превращается в невыразимое *sumtum bonum**.

“Любовь сама по себе есть величайшее счастье”³³. Без любви нет ни мира в душе, ни счастья. Стало быть, *наилучший и самый простой путь к подлинному миру в душе и наивысшему счастью заключается в любви (мудро руководимой истиной).*

Таковы некоторые наиболее существенные особенности любви как психологического переживания.

По сравнению с ними другие психологические свойства чувства любви менее значительны и не столь существенны. Тем не менее в дальнейшем в ходе обсуждения системных параметров любви некоторые из этих второстепенных ее черт будут упомянуты.

Г. Социальный аспект любви

Наконец, *в социальном отношении любовь представляет собой значимо-смысловое (tearingful) взаимодействие — или отношение — между двумя или большим количеством людей, когда желания и намерения одного человека разделяются другими людьми и поддерживаются в процессе их реализации.* Любящий человек не только не мешает реализации высоких стремлений любимого, но всячески помогает ему. И поскольку он оказывает любимому

* Высшее благо (лат.).

помощь, то он не причиняет ему горе или боль, а увеличивает его счастье. Это радость отдачи и радость получения: это реализация самого себя в других и через других. Такие слова, как “солидарность”, “взаимопомощь”, “сотрудничество”, “добрососедство”, “семейственные отношения” и т. п., означают разные формы любви как социальной связи. Ее наивысшие проявления прекрасно отражены в Нагорной проповеди:

“Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих и гонящих вас.

Мирись с соперником твоим скорее...

Прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

Вы слышали, что сказано: око за око, и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую;

И кто захочет судиться с тобою и взять с тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся”*.

Эти нормы в общих чертах дают представление о любви как социальном феномене в ее наивысших и наилучших проявлениях.

Религиозным, этическим, онтологическим, физическим, биологическим, психологическим и социальным аспектами любовь отнюдь не исчерпывается; наоборот, они свидетельствуют о неисчерпаемом богатстве этой составной части Абсолюта.

В настоящем исследовании мы сосредоточимся в основном на психологическом и социокультурном аспектах любви — любви, понимаемой как “видимый” эмпирический психосоциальный феномен. Тем не менее, занимаясь этими аспектами, мы постоянно будем иметь в виду многообразие любви как единого целого, потому что без ее религиозных, этических и онтологических аспектов мы не сможем по-настоящему понять “видимую” часть этого космоса, его психосоциальных эмпирических аспектов.

Примечания

¹ 1 Ин. 4, 7, 8, 16. См.: St. Francis de Sales. Treatise on the Love of God. Westminster, 1942; Swedenborg E. De Divino Amore et de Divino Sapientia. N.Y., 1880.

² *Tillich P.* The Protestant Era. Chicago, 1948, p. 160.

³ *Nigren A.* Agape and Eros. London, 1937, vol. I, p. 165, 171 et passim.

⁴ Из современных авторов см.: De Rougemont D. L'amour et l'Occident. P., 1939; Rousselot P. Pour l'Histoire du Probleme de l'Amour au Moyen Age. Mun-

*Мф.5; 44, 25; 24, 38–42.

ster, 1908; D'Arcy M.C. *The Mind and Heart of Love*. L., 1947; Radhakrishnan S. *The Bhagavadgita*. N.Y., 1948, p. 62 ff.; Sri Aurobindo. *The Life Divine*. N.Y., 1949, p. 187–189.

⁵ В Упанишадах и Бхагаватгите говорится о том, что “путем бхакти милость Божья обретается до некоторой степени, тогда как на пути прапатти она даруется безвозмездно” (Radhakrishnan S. *Op. cit.*, p. 62). [“Бхакти” — эмоциональная приверженность к Богу; “прапатти” — любовь к Богу, доходящая до полного самоотречения].

⁶ Fedotov G.P. *A Treasure of Russian Spirituality*. N.Y., 1948, p. 229.

⁷ См., например: Sri Aurobindo. *Bases of Yoga*. Calcutta, 1936, p. 12–14; Sri Aurobindo. *The Life Divine*, p. 874, 892, 925. См. также далее главу 19 настоящей работы.

⁸ См.: Jaeger W.W. *Paideia: The Ideals of Greek Culture*. Oxford, 1939, vol. I, p. 34–77, 122, 134–147, 160–162, 204–262, 235–237, 265–282, vol. II, III; Ranulf S. *The Jealousy of the Gods and Criminal Law at Athens*. London-Copenhagen, 1933–1934, vol. I, p. 32–42, 112, 148; Sorokin P. *Social and cultural Dynamics*. N.Y., 1937, p. 490–492.

⁹ *D'Arcy M.C. The Mind and Heart of Love*. L., 1947, p. 255, 312, 320. К сожалению, все эти авторы, не исключая даже д'Арси, разделяют эту точку зрения и допускают ряд ошибок, интерпретируя указанные виды любви и разные (особенно восточные) религии и философские учения. Одна из таких ошибок — тенденция рассматривать восточные философские учения и религии в качестве воплощения темного, романтического, страстного Эроса, в котором Эго, или “Я”, или личность полностью растворяются, вступая в мистический союз с Брахмой или нирваной и заканчивая самопожертвованием. Такое понимание неправильно. Как уже отмечалось, восточные религии и философские учения признают обе формы любви, Эрос и Агапэ, хотя некоторые из них делают акцент на Эросе, другие — на Агапэ. Сказанное относится к пифагореизму, гностицизму, неоплатонизму, манихейству и сторонникам средневековых движений, таким как присциллиане и катары, которых описывает де Ружемон и которые рассматривали любовь как темную страсть — иррациональную, иступленную, самоуничтожающую, способствующую саморазрушению и принесению себя в жертву.

¹⁰ *Diels H. Fragmente der Vorsokratiker*. Berlin, 1912, Bd. I: Fragment 17; Bd. II, s. 1–2, 6–13. “То любовью соединяется все воедино, то, напротив, враждою ненависти все несетя в разные стороны” [Досократики. Минск, 1999, с. 690].

¹¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. СПб., 1895, т. 12, с. 379–380. См. также: Vivekananda S. *Karma–Yoga*. N.Y., 1945, p. 10–12; Sri Aurobindo. *The Life Divine*, *passim*.

¹² 1 Кор.13: 4–8, 13.

¹³ Gandhi M.K. *Self-Restraint versus Self-Indulgence*. Ahmedabad, 1928, p. 101.

¹⁴ *Tillich P. Op. cit.*, p. XXV.

¹⁵ См. цитированные выше работы Франциска Сальского и Э. Сведенборга. См. также: Федоров Н.Ф. *Философия общего дела*. Харбин, 1928–1930 и сочинения В.С. Соловьева “Смысл любви”, “Оправдание добра” и “Духовные основы жизни” (Собрание сочинений. СПб., 1913, т. III, VIII).

Федоров разработал подробный план воскрешения человечества с целью победить смерть как величайшее зло в мире. См. указанное выше его сочинение.

¹⁶ *Соловьев В.С.* Собрание сочинений, т. III, с. 351–352 (“Духовные основы жизни”).

¹⁷ Там же, т. III, с. 35–52. Близкие идеи примерно тридцать лет спустя высказал Шри Ауробиндо в своей книге “*The Life Divine*”.

¹⁸ *Соловьев В.С.* Собрание сочинений, т. III, с. 351–352. См. также другие упомянутые работы В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова.

¹⁹ См.: *Wiener N.* Cybernetics. New York, 1948 [Винер Н. Кибернетика. М., 1983], где дан глубокий анализ всеобщей формы "связи".

²⁰ См.: *Montagu A.* On Being Human. N.Y., 1954, где прекрасно описаны разные формы кооперации и взаимопомощи как основных биологических процессов. См. также: *Nicolle Ch.* Biologie de l'invention. P., 1932, p. 78–80; *Jennings H.S.* The Beginning of Social Behavior in Unicellular Organism. Univ. of Pennsylvania, 1941.

²¹ См.: *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 1918; *Allee W.C.* Animal Aggregations. Chicago, 1931; *Allee W.C.* The Social Life of Animals. N.Y., 1938; *Darling E.F.* Bird Flocks and the Breeding Cycle. Cambridge, 1938; *Emerson A.E.* The Biological Basis of Social Cooperation // Illinois Academy of Science Transactions. 1946, vol. XXXIX, 1946; *Gerard R.* Higher Level of Integration // Biological Symposia. 1942, vol. VIII; *Little R.S.* General Biology and Philosophy of Organism. Chicago, 1945; *Holmes S.J.* Life and Morals. N.Y., 1948; *Sherrington Ch.* Man on His Nature. N.Y.; *Sri Aurobindo.* The Life Divine.

²² *Allee W.C.* Where Angels Fear to Tread // Science. 1943, vol. XCVII, p. 518–525. Другие соображения и факты см. в цитированных выше работах Эшли Монтэгу и других авторов.

²³ См.: *Scheler M.* Das Wesen und die Formen der Sympathie (1929); *Berdyayev N.* Solitude and Societe. L., 1038, p. 194–196 [Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Париж, 1934]; *Johnson P.E.* Christian Love. N.Y., 1951. О других формах любви см.: *Sorokin P.* Societe, Culture and Personality (ch. 5).

²⁴ *Аристотель.* Никомахова этика, кн. IX, 1166а; кн. VIII, 1156а; Цицерон. О дружбе.

²⁵ *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 521 ("Смысл любви").

²⁶ Там же, т. 1, с. 166 ("Оправдание добра"); Бердяев Н.А. Цит. соч., гл. 4.

²⁷ *Соловьев В.С.* Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 505, 513 ("Смысл любви"). "Через любовь реализуется личность" (Бердяев Н.А. Цит. соч. V. 4). Развитие этих идей см. в: *Sri Aurobindo.* The Life Divine, p. 187–189, 874.

²⁸ Данные и литературы см.: *Sorokin P.* Societe, Culture and Personality. N.Y., 1947, p. 8–10; *Sorokin P.* Altruistic Love: A study of American "Good Neighbors" and Christian Saints. Boston, 1950.

²⁹ См.: *Swedenborg E.* Op. cit., p. 96–98; *Vivekananda S.* Karma–Yoga, p. 10–13.

³⁰ *Vivekananda S.* Bhakti–Yoga, p. 88–89.

³¹ О продолжительности жизни и долговечности различных общественных организаций (государств, промышленных империй, политических партий, учебных заведений, религиозных организаций) см. мою работу "Societe, Culture and Personality", ch. 34 и 47. Если средняя продолжительность жизни промышленных империй составляет 28 лет, а империй, насколько сколоченных путем завоевания, — от нескольких лет до нескольких столетий, то великие религиозные организации — самые "долговечные" среди всех социальных групп и культурных систем. Они существуют уже одно или несколько тысячелетий.

³² Фил. 4, 7. "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, я даю вам. Да не смущается сердце ваше да не устрашается" (Ин. 14, 27).

³³ *Vivekananda S.* Bhakti–Yoga, p. 104. Радость, которую обычно доставляет любовь, можно проиллюстрировать словами спутника Святого Тихона (Чеботарева): "В те дни, когда св. Тихон принимал огромное количество бедняков и раздавал большую сумму денег и прочих милостей, он казался особенно веселым и радостным. Но в те дни, когда он мог помочь лишь немногим или вообще никому, он был грустным и удрученным... Он становился похожим на Иова — ослепшего и хромоногого. Его двери всегда открыты нищим и странникам (и даже преступникам), которые находили пишу, воду и покой в его доме" (Федотов Г.П. Цит. соч., с. 199).